

УДК 32**Укрепление культурной безопасности России: инструменты реализации****Кочетков Владимир Викторович**

Доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии международных отношений,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: vkochetkov58@mail.ru

Гулевич Андрей Валерьевич

Кандидат политических наук, эксперт,
Фонд поддержки реализации общественных и инновационных проектов «Развитие»,
140005, Российская Федерация, Люберцы, ул. Кирова, 63;
e-mail: a17gulevich@gmail.com

Малеев Ариан Александрович

Аспирант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: Arian6731@mail.ru

Аннотация

Цель статьи – привлечь внимание к необходимости комплексной разработки мер, направленных на реализацию политики укрепления культурной безопасности России. В статье рассмотрены некоторые аспекты практических мер в области обеспечения культурной безопасности, расширения межнациональной и межконфессиональной коммуникации, результатом которых должно стать сохранение и укрепление национальной идентичности России. Авторы акцентируют внимание на необходимости активного использования Россией для решения важных задач в указанной сфере инструментов «мягкой силы». Отмечается, что отсутствие в стране общероссийской объединяющей идеи (русской идеи) является одним из факторов, существенным образом негативно влияющим на процесс актуализации культурного кода нации, объединяющего воедино представителей всех конфессий и национальностей, связывающих свою судьбу с судьбой России. При этом констатируется, что для формирования такой идеи в стране имеется не противоречащий культурно-исторической природе и обладающий потенциалом базис, представленный панславизмом, мифологемой Москвы как Третьего Рима, наработками советского периода. Опираясь на концепт «безопасность через развитие» авторы логически обосновывают необходимость в кратчайшие сроки активизировать работу, содержание которой направлено на научное и методическое обеспечение разработки и принятия обоснованных управленческих решений в области обеспечения культурной безопасности России.

Для цитирования в научных исследованиях

Кочетков В.В., Гулевич А.В., Малеев А.А. Укрепление культурной безопасности России: инструменты реализации // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 6А. С. 91-101.

Ключевые слова

Мягкая сила, культурная безопасность, национальная идея, стратегическое планирование, политика.

Введение

Духовно-нравственная сфера жизнедеятельности государства постоянно находится под воздействием процессов глобализации, межкультурной коммуникации, деструктивной деятельности террористических организаций по распространению враждебной идеологии и т.п., в связи с этим актуальность разработки проблемных вопросов культурной безопасности постоянно возрастает. Так, одним из трендов современности выступают новые смысловые целеполагания с поиском материальной основы их оправдания, сущности будущего и цивилизации. В обыденной жизни они приводят к росту бездуховности, сопровождаемому отторжением культурно-исторических скреп русской идентичности; снижению грамотности населения при стремительном «засорении» русского языка; деятельности культуртрегеров¹, которые с использованием масс-медийных технологий успешно продолжают деформировать русские социокультурные ценности; экспансии «нео-культов», античеловечных идеологий и т.п. [Щукина, 2015]

Настоящая статья является скромной попыткой авторов продолжить исследования вопросов социологии безопасности, сохранения идентичности, основу которых заложили П.А. Цыганков [Цыганков, 2012], В.Н. Кузнецов [Кузнецов, 2009], Т.В. Душина [Душина, Бокачев, 2011], Ю.В. Фитисова [Фетисова, 2009], А.В. Торкунов [Торкунов, 2012], А.П. Романова [Романова, Мармилова, 2008], А.В. Рудаков [Рудаков, Устинкин, 2017], Р.Г. Яновский [Яновский, Серебрянников, 1999], А.С. Капто [Капто, 2002], А.Л. Маршак [Маршак, Сергеев, 2008] и др.

Основная часть

«Культурная безопасность» в отечественной научной литературе трактуется широко и используется в рамках анализа различных теоретических и практических проблем. Это связано с заимствованием данного понятия из англоязычных источников, в которых употребляются два схожих термина «cultural safety» и «cultural security». Первый понимается как деятельность, которая поддерживает, уважает и вызывает доверие к культурной идентичности и процветанию индивидуумов, поддерживает их, дает нациям и народам возможность выражать ее [Романова, 2013]. В рамках же формально юридической и государственной риторики, при рассмотрении проблем глобализирующегося мира с позиций обеспечения социальной безопасности термин

¹ Культуртрегер – (от нем. Kulturtrager – носитель культуры) ироническое название человека (обычно колонизатора), прикрывающего свои корыстные, захватнические цели маской распространения культуры, просвещения.

«cultural security» применяется для конкретизации категорий «защита», «обеспечение», «гарантия», «охрана» культуры [Nemeth, 2014]. Так, С. Форрест определяет культурную безопасность как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» [Forrest, 2004].

В современном понимании «культурную безопасность» уже невозможно рассматривать без материальной составляющей и деятельности государства по развитию культурного самосознания, а ее эффективное обеспечение осуществляется на основе прогноза происходящих в культурной сфере процессов [Романова, Мармилова, 2008]. Кроме того, сегодня культура выступает не только как фактор национальной безопасности, но и как один из ресурсов ее обеспечения, а также становления сохранившего национальную идентичность российского общества [Николаев, 2007].

Анализ состояния международных отношений и результатов глобализации указывает на то, что политические процессы все в большей степени основываются на социальных явлениях, культурных ценностях и обычаях вовлеченных в них стран. В этой связи, по мнению авторов, реалии современного геополитического противоборства обуславливают необходимость использования Россией методов активной политики при реализации концепции «культурной безопасности» [Хантингтон, 2004]. Тем более что в условиях обострения украинского кризиса и вооруженного конфликта на Донбассе со стороны США развернута информационная кампания по обвинению России в разработке «гибридной войны» и применении части составляющих ее элементов в Крыму. Теория «войн нового поколения» базируется на сформулированном американским политологом Дж. Найем концепте «мягкой силы», суть которого заключается в «способности достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение или плату» [Nye, 2011].

Культурная политика является неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В связи с этим авторы считают, что государство в рамках обеспечения культурной безопасности должно активнее использовать инструменты «мягкой силы» для достижения поставленных целей [Торкунов, 2012]. Наличие смысловой направленности в будущее, выражающей долженствование в процессах управления, определяет правовую основу деятельности по созданию положительного образа страны через организацию культурных и спортивных мероприятий, призванных поднять международный престиж нации [Малеев, 2017], по продвижению национального языка за рубежом, а также по оказанию информационного воздействия посредством СМИ [Кочетков, Максимов, 2015].

В числе государственных структур², занимающихся реальной политикой по защите

² В числе таких структур: Министерство иностранных дел РФ, Министерство культуры РФ, Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), Министерство образования и науки РФ, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки РФ (Рособрнадзор), Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь), Министерство РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития), Министерство связи и массовых коммуникаций РФ (Минкомсвязь), Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), Министерство спорта РФ (Минспорта), Министерство труда и социальной защиты РФ (Минтруд), Федеральное агентство по делам национальностей и др.

культурного кода нации и организацией кросскультурной коммуникации, следует выделить Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (далее – Россотрудничество).

Задача Россотрудничества в вопросах «мягкой силы» двойственна. С одной стороны, данное ведомство повторяет функции таких зарубежных аналогов, как Институт Гете [Lanshina, [www](#)], Институт Конфуция [Шабалов, [www](#)], Институт Сервантеса [Stuenkel, 2016], Британского Совета [Rammet, 2016] и «Альянс Франсез» [Ahearne, 2002], активно продвигая русский язык и культуру за рубежом путем предоставления образовательных услуг и организации культурных мероприятий, в том числе государственного масштаба. Вместе с тем, при удовлетворительном качестве этих услуг в представительствах Россотрудничества за границей обучение проводится на платной основе. Учитывая исключительно важную роль русского языка как инструмента «мягкой силы» необходимо критически подойти к вопросу финансового обеспечения указанного направления деятельности ведомства. Рассматривая образовательный процесс как одну из форм вовлечения представителей иностранных государств в ореол русской культуры, необходимо исходить не из экономических соображений самоокупаемости деятельности, а инвестиционной привлекательности результатов предоставляемых услуг. Система финансирования, основанная на компромиссе между материальными затратами и эффективностью достижения целей расширения культурного влияния России за рубежом, позволит привлечь большее количество мотивированных и пророссийски ориентированных иностранных граждан, желающих не только познавать русскую культуру, но и вести/расширять бизнес в России, заниматься туризмом, жить и работать в нашей стране и т.п. В таком случае своей практической деятельностью они внесут прямой вклад в российскую экономику.

Русский язык наряду с сохранением и укреплением русской культуры, признанием своей принадлежности к России выступает фундаментом продвигаемого Россотрудничеством культурно-цивилизационного феномена «Русского мира» [Столяров, 2015]. И не случайно, что этим вопросом занимается государственная структура. После выступления В.В. Путина на Конгрессе зарубежных соотечественников в 2001 году «Русский мир» фактически получает статус направления государственной политики³. Русскоязычные диаспоры должны выступать своего рода «коммуникаторами», обеспечивающими дополнительные возможности подключения России к финансово-технологическому потенциалу зарубежных стран. Таким образом, «Русский мир» будет приобретать отчетливую геополитическую и геоэкономическую направленность.

Проводимая в направлении укрепления и расширения влияния «Русского мира» практическая работа ведется сегодня научными сообществами, негосударственными структурами, отдельными представителями русской культуры, но усилия не централизованы в должной мере⁴. Координатором мог бы выступать специально созданный комитет Россотрудничества, информационно-аналитическое обеспечение деятельности которого возлагалось бы на соответствующие подразделения Российской академии наук.

«Мягкая сила» в основе своей имеет информационную составляющую. Деятельность же

³ См. более подробно: Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11-12 октября 2001 года. Москва. Итоговые Материалы. — М.: Дрофа, 2001. — 640 с.

⁴ Так, например, в *целях популяризации русского языка*, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом указом Президента РФ от 21.06.2007 г. № 769 учрежден фонд «Русский мир».

Россотрудничества, как в целом и других ведомств России, на информационном поле международной коммуникации весьма ограничена и не отличается наступательностью. В этой связи, например, эффективным представляется создание и поддержание в актуальном состоянии дискуссионных площадок общественного мнения носителей русского языка за рубежом. Сделать «Русский мир» востребованной реальностью XXI века возможно, но для этого необходимо обеспечить воспроизводство носителей его ценностей и норм. В этом существенную роль помогут сыграть масс-медийные технологии, применение которых России необходимо расширять.

В условиях тотальной информатизации мирового пространства, появления обусловленных результатами глобализации новых вызовов и угроз, понимание «мягкой силы» исключительно в контексте внешней политики государства теряет свою состоятельность. Технологии, позволяющие инициировать социальные, политические, экономические и иные процессы на глобальном и региональном уровне, могут эффективно использоваться и для решения проблемных вопросов внутри государства [Цыганков, 2012]. В целях «укрепления государственного единства и целостности России, сохранения этнокультурной самобытности ее народов...»⁵ по линии стратегического планирования продолжается масштабная работа, направленная на создание условий для устойчивого развития России как сложной системы единства народа, культуры, территории. Несмотря на то, что во многие документы заложены основы противодействия естественным законам роста энтропии, внутривнутриполитические аспекты обеспечения культурной безопасности требуют научной проработки.

В частности, по-прежнему сохраняется тенденция «зависимости от пройденного пути» в принятии управленческих решений⁶. Многие традиционные подходы к обеспечению культурной безопасности в условиях новых вызовов и угроз малоэффективны. В современном мире именно «мягкая сила», посредством которой обеспечивается привлечение иностранного капитала, повышается престиж страны, выступает гарантом укрепления ее геополитической значимости.

Вместе с тем, следует отметить, что основной проблемой, до разрешения которой концепция «Русского мира» будет существенно уязвима, является отсутствие общероссийской объединяющей идеи. Без нее предпринимаемые усилия носят несвязный, порой нелогичный, бессистемный характер, несмотря на масштабность стратегического планирования в России. До настоящего времени ни в один из документов не заложена национальная идея в понимании «всёя Руси» как «духовная основа российской цивилизации, сформировавшая ее культурно-нравственные устои и служащая фундаментом всех интеллектуальных новаций и дерзаний, составивших мощный массив русской культуры, обеспечивающая самобытность и неповторимость России» [Антонович, 2011]. Русская идея должна актуализировать культурный код, связав воедино представителей всех конфессий и национальностей, связывающих свою судьбу с судьбой России [Баталов, 2009].

В настоящее время на государственном уровне в качестве эрзац-национальной идеи продвигается общее историческое прошлое народов России (особенно в контексте Великой

⁵ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.

⁶ Данное явление получило название феномен «path dependence». См., например: *Magnusson L., Ottosson J. The Evolution of Path Dependence. Oslo: Edward Elgar Publishing, 2009. – pp. 141-156.*

Отечественной войны) в совокупности с клерикализацией православного толка [Щипков, 2016]. Очевидно, что такой подход к формированию «общеобъединяющего смысла» явно несостоятелен. Не может он быть заложен и в документы стратегического планирования в области безопасности. За продолжающийся с 1991 года период «идеологического вакуума» выросло поколение людей, не желающих или не обладающих способностью к отождествлению себя с героями прошлого, к осознанию реального настоящего как результата великих трудовых и боевых заслуг русского народа. Демократические преобразования в стране породили проблемы демаркации фальсифицированной и нефальсифицированной истории, что только усилило негативное отношение населения к сложным периодам развития государства.

Вторая часть эрзац-национальной идеологии базируется на «культе» в качестве консолидирующего инструмента российского общества. Апеллирование к общности культурного наследия, философско-онтологическому мировоззрению населения явно диссонирует с антитеистическим наследием «культурного кода СССР». Клерикализация же национальной идеи недопустима вовсе. В «Основах государственной культурной политики» стратегически определено, что «ни вероисповедание, ни национальность не разделяют и не должны разделять народы России»⁷.

Справедливо заметить, что в России для общеобъединяющей идеи существует базис, обладающий потенциалом и не противоречащий исторической природе. Он, как видится авторам, может быть представлен панславизмом, мифологемой Москвы как Третьего Рима, наработками советского периода и др.

Идея панславизма с Россией во главе транснационального союза славянских держав с идеологической точки зрения состоятельна, однако сложные отношения с Украиной и Польшей делают возможность ее практической реализации вопросом отдаленного будущего. Отметим, что речь идет не только о наиболее актуальных событиях, связанных с этими странами, но и об общей исторической перспективе [Гришин, 1995].

Преемственность России, Восточной Римской Империи и Великой Римской Империи основывается на идее переноса империй. Изначально в ее основе был перенос центра христианства в столицы названных государств, однако, трактовать эту мифологему следует более широко. В частности, идея Третьего Рима является индикатором того, что Россия претендует на наследование культурного кода изначальной Римской Империи, что присуще большинству стран европейской цивилизации и всего западного мира в целом [Hingley, 2005].

Привлекательность данного наследования строится не только на престиже, но и на том, что такая преемственность *Rex Romani* открывает множество возможностей для легитимации любых действий на политической арене. Для России данная идея привлекательна культурным сходством с Римской Империей. Так, территориальное расширение, культ военной мощи, многонациональность и многоязычность, предоставление относительной региональной автономии, сильная личная власть, а также проактивная защита своих граждан и интересов за рубежом являются отличительными чертами, присущими обеим державам.

Тем не менее, реализация названного подхода должна проводиться осторожно, т.к. существует риск активизации центробежных тенденций на территории страны, вызванных дополнительным увеличением престижа столицы при использовании неизменного тезиса о

⁷ См.: Основы государственной культурной политики (утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808).

Москве как Третьем Риме. В этой связи целесообразно подчеркнуть преемственность государств, а не столиц, что минимизирует риск возникновения напряженности между центром и периферией.

Результаты проведенных по рассматриваемой тематике исследований в СССР прошли проверку временем и имеют выраженную научную и секулярную направленность. Их адаптация к условиям социально-политической обстановки в современной России создаст не только мощный философско-мировоззренческий фундамент, но и однозначно позитивно повлияет на экономику страны, определив приоритет развития научно-технических возможностей и наукоемкого отечественного производств.

Концепция евразийства, подразумевающая культурно-цивилизационное единство России, стран СНГ, преимущественно православных стран Европы, балканских мусульманских стран, персидских стран, Монголии, также может быть положительно воспринята как основа формирования объединяющей идеи. В такой интерпретации идею отстаивал Л.Н. Гумилев [Беляков, 2013], ее придерживается А.Г. Дугин [Дугин, 2014]. В рассмотренном контексте к территориально-цивилизационному единству в рамках евразийства присоединяется идея России как «третьего пути» развития, геополитические идеи о непреодолимом противостоянии материковых и морских стран (теллутократии и талассократии соответственно), а также пассионарная теория этногенеза.

В рамках статьи авторы считают возможным отметить принципиально иной подход к евразийству. Так называемое «неоевразийство» должно заимствовать у классической теории евразийства тезис о России как индикаторе возможного «третьего пути» развития, синтезирующего европейские и азиатские культурные коды. Вступившие на этот «третий путь» страны должны сохранить свою уникальную историческую идентичность. По сути, «неоевразийство» концептуально оформляет (в теории) перспективы уже запущенных экономических и политических процессов. Тесные торгово-экономические связи выступают катализатором улучшения политических отношений. В результате сумма географических пространств двух или более стран становится территорией культурно-социально-лингвистически-экономического единства, что дает России возможность формировать иное пространство кросскультурной коммуникации, альтернативное навязываемому США «универсальному». Россия должна осуществлять культурно-цивилизационное посредничество, тем самым расширяя свое участие в интеграционных процессах, способствуя поддержанию континентальной многополярности. На территории Евразии по данному направлению уже предприняты определенные шаги в рамках Евразийского союза, а также в рамках поддерживаемого Президентом России В.В. Путиным и Президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым проекта конфедеративного государства на территории бывшего СНГ и исторической Европы [там же].

Заключение

Природа обозначенных выше процессов сложна и основана не только на экономических выгодах, но и на особенностях культурно-исторического развития региона. В связи с этим для разработки стратегии России в области обеспечения культурной безопасности не как программного документа, а элемента реальной внешней и внутренней политики, необходимо привлечение к стратегированию ученых-культурологов, политологов и социологов. Будущая политика культурной безопасности должна быть ноократизирована [Сурин, 2007]. Это позволит

решить ряд проблем, связанных с уточнением содержания культурного кода России, внести изменения в соответствующие документы стратегического планирования, актуализировав потребности и интересы государства в культурной сфере, а также снизить уязвимость системы обеспечения культурной безопасности России в целом путем выработки эффективных механизмов противодействия деструктивному воздействию извне и деятельности иностранных культуртрегеров внутри страны.

В этой связи, необходимо активизировать работу по направлению научного и методического сопровождения разработки и принятия обоснованных управленческих решений в области обеспечения культурной безопасности России. Проведение практико-ориентированных исследований в указанной предметной области крайне необходимо, поскольку многие из проблем требуют немедленного принятия конкретных мер на федеральном, региональном и местном уровнях. И в первую очередь это касается выработки логически состоятельной, утилитарной, идеи.

Как представляется авторам, общеобъединяющей идеей может выступать глобальная стратегия безопасности России с четко обозначенными целями, ориентированными в будущее через создание условий для устойчивого развития страны в интересах ее граждан уже сегодня.

Библиография

1. Антонович И.И. Русская идея и российский выбор. М.: МАКС Пресс, 2011. 215 с.
2. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 590 с.
3. Беляков С.С. Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013. 800 с.
4. Гришин Я.Я. Синдром русофобии: Россия и Польша: история взаимоотношений. Казань: Танг-Заря, 1995. 304 с.
5. Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
6. Душина Т.В., Бокачев И.А. Актуализация безопасности духовной культуры российского общества // Власть. 2011. № 1. С. 93-96.
7. Капто А.С. Журн. «Безопасность Евразии. М.: Республика, 2002. 480 с.
8. Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11-12 октября 2001 года. Москва. Итоговые Материалы. М.: Дрофа, 2001. 640 с.
9. Кочетков В.В., Максимов И.В. Культурные войны в международных отношениях. М.: Антарес, 2015. С. 52-54.
10. Кочетков В.В., Малеев А.А. Культурная безопасность в международных отношениях: проблемы концептуализации // Социология. 2015. № 2. С. 9-20.
11. Кузнецов В.Н. Социология безопасности. М.: КДУ, 2009. 423 с.
12. Малеев А.А. Государственная политика в сфере спорта как инструмент обеспечения культурной безопасности: международная составляющая // Мировая политика. 2017. № 2. С. 1-8.
13. Маршак А.Л., Сергеев В.В. Культурная безопасность населения московского мегаполиса. М.: Серебряные нити, 2008. 520 с.
14. Николаев П.А. Культура как фактор национальной безопасности. М., 2007. 320 с.
15. Основы государственной культурной политики, утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808.
16. Продвижение русской культуры в мире. Россотрудничество.
17. Романова А.П. Культурная безопасность и страх перед чужим // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 228-237.
18. Романова А.П., Мармилова В.О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек. Сообщество. Управление. 2008. №2. С. 84-94.
19. Рудаков А.В., Устинкин С.В. О подходах к формированию системы мер по противодействию фальсификации истории и защите исторического сознания народов России // Власть. 2017. № 7. С. 113-119.
20. Столяров А. Русский мир. М.: ЛитРес, 2015. С. 19-25.
21. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, Утверждена Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.
22. Сурин А.В. На пути к формированию науки управления. М.: РОССПЭН, 2007. С. 78-86.

23. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 85-93.
24. Фетисова Ю.В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности» // Омский научный вестник. 2009. № 3. С. 88-70.
25. Хантингтон С. Кто мы? М.: АСТ, 2004. С. 214.
26. Цыганков П.А. Универсальные ценности в мировой и внешней политике. М.: МГУ, 2012. 224 с.
27. Шабалов М.П. Основы культурной политики Китая. URL: <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2>
28. Щипков А.С. Территория Церкви. М.: UPRS, 2016. 320 с.
29. Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 346-350.
30. Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. 357 с.
31. Ahearne J. French Cultural Policy Debates. London: Psychology Press, 2002.
32. Foster-Boucher C.H. Quest for Cultural Safety. Alberta: University of Alberta, 2010.
33. Hingley R. Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire. London: Routledge, 2005.
34. Lanshina T. The Goethe Institute and Soft Power // International Organisations Research Journal. URL: <https://iorj.hse.ru/data/2015/12/07/1095012367/The%20Goethe%20Institute%20and%20Soft%20Power.pdf>
35. Magnusson L., Ottosson J. The Evolution of Path Dependence. Oslo: Edward Elgar Publishing, 2009.
36. Nemeth E. Cultural Security: Evaluating the Power of Culture in International Affairs. London: Imperial College Press, 2014.
37. Nye J.S. Jr. Soft power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153-171.
38. Nye J.S. Jr. The Future of Power. N.Y.: Public Affairs, 2011.
39. Pammet J. British Public Diplomacy and Soft Power. Berlin: Springer, 2016.
40. Stuenkel O. Post-Western World. London: John Wiley & Sons, 2016.

Strengthening Russia's cultural security: implementation tools

Vladimir V. Kochetkov

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of International relations sociology,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: vkochetkov58@mail.ru

Andrei V. Gulevich

PhD in Politology,
Expert,
Support Fund for the Implementation of Social and Innovative Projects "Razvitie",
140005, 63 Kirova st., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: a17gulevich@gmail.com

Arian A. Maleev

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1 Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Arian6731@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is to draw attention to the need for comprehensive development of measures aimed at implementing the policy of strengthening the cultural security of Russia. The article discusses some aspects of practical measures in the field of ensuring cultural security, expansion of interethnic and inter-confessional communication, the result of which should be the preservation and strengthening of Russia's national identity. The authors focus attention on the need for Russia to actively use the tools of "soft power" in this area of the sphere. It is noted that the absence of an all-Russian unifying idea (the Russian idea) in the country is one of the factors that negatively influences the process of actualization of the cultural code of the nation uniting representatives of all faiths and nationalities linking their destiny with the destiny of Russia. At the same time, it is stated that for the formation of such an idea in the country there is a basis that is not contradictory to the cultural and historical nature and has a potential, represented by pan-Slavism, the mythologeme of Moscow as the Third Rome, the developments of the Soviet period. Relying on the concept of "security through development", the authors logically justify the need to accelerate the work in the shortest possible time, the content of which is aimed at scientific and methodological support for the development and adoption of sound management decisions in the field of ensuring cultural security in Russia.

For citation

Kochetkov V.V., Gulevich A.V., Maleev A.A. (2017) *Ukreplenie kul'turnoi bezopasnosti Rossii: instrumenty realizatsii* [Strengthening Russia's cultural security: implementation tools]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 6 (6A), pp. 91-101.

Keywords

Soft power, cultural safety, cultural security, national idea, strategic planning.

References

1. Ahearne J. (2002) *French Cultural Policy Debates*. London: Psychology Press.
2. Antonovich I.I. (2011) *Russkaya ideya i rossiiskii vybor* [The Russian idea and the Russian choice]. Moscow: MAKSPress Publ.
3. Batalov E.Ya. (2009) *Russkaya ideya i amerikanskaya mehta* [Russian idea and the American dream]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
4. Belyakov S.S. (2013) *Gumilev syn Gumileva* [Gumilyov's son Gumilev]. Moscow: AST Publ.
5. Dugin A.G. (2014) *Evrasiiskii revansh Rossii* [Eurasian revenge of Russia]. Moscow: Algoritm Publ.
6. Dushina T.V., Bokachev I.A. (2011) Aktualizatsiya bezopasnosti dukhovnoi kul'tury rossiiskogo obshchestva [The actualization of the security of the spiritual culture of Russian society]. *Vlast'* [Power], 1, pp. 93-96.
7. Fetisova Yu.V. (2009) Bezopasnost' i kul'turnyi kontekst: k obosnovaniyu ponyatiya «kul'tura bezopasnosti» [Safety and cultural context: to the rationale for the concept of "safety culture"]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 3, pp. 88-70.
8. Foster-Boucher C.H. (2010) *Quest for Cultural Safety*. Alberta: University of Alberta.
9. Grishin Ya.Ya. (1995) *Sindrom rusofobii: Rossiya i Pol'sha: istoriya vzaimootnoshenii* [Syndrome Russophobia: Russia and Poland: the history of relationships]. Kazan: Tang-Zarya Publ.
10. Hingley R. (2005) *Globalizing Roman Culture: Unity, Diversity and Empire*. London: Routledge.
11. Huntington S. (2004) *Kto my?* [Who we are?]. Moscow: AST Publ.
12. Kapto A.S. (2002) *Bezopasnost' Evrazii* [Eurasian safety]. Moscow: Respublika Publ.
13. (2001) *Kongress sootchestvennikov, prozhivayushchikh za rubezhom. 11-12 oktyabrya 2001 goda. Moskva. Itogovye Materialy* [Congress of compatriots living abroad. 11-12 October 2001. Moscow. Final Materials]. Moscow: Drofa Publ.
14. Kochetkov V.V., Maksimov I.V. (2015) *Kul'turnye voyny v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [Cultural wars in

- international relations]. Moscow: Antares Publ.
15. Kochetkov V.V., Maleev A.A. (2015) Kul'turnaya bezopasnost' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: problemy kontseptualizatsii [Cultural security in international relations: the problems of conceptualization]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2, pp. 9-20.
16. Kuznetsov V.N. (2009) *Sotsiologiya bezopasnosti* [Sociology of safety]. Moscow: KDU.
17. Lanshina T. The Goethe Institute and Soft Power. *International Organisations Research Journal*. Available at: <https://iorj.hse.ru/data/2015/12/07/1095012367/The%20Goethe%20Institute%20and%20Soft%20Power.pdf> [Accessed 10/10/2017]
18. Magnusson L., Ottosson J. (2009) *The Evolution of Path Dependence*. Oslo: Edward Elgar Publishing.
19. Maleev A.A. (2017) Gosudarstvennaya politika v sfere sporta kak instrument obespecheniya kul'turnoi bezopasnosti: mezhdunarodnaya sostavlyayushchaya [State policy in the sphere of sport as an instrument for ensuring cultural security: the international component]. *Mirovaya politika* [World policy], 2, pp. 1-8.
20. Marshak A.L., Sergeev V.V. (2008) *Kul'turnaya bezopasnost' naseleniya moskovskogo megapolisa* [Cultural safety of the population of the Moscow metropolis]. Moscow: Serebryanye niti Publ.
21. Nemeth E. (2014) *Cultural Security: Evaluating the Power of Culture in International Affairs*. London: Imperial College Press.
22. Nikolaev P.A. (2007) *Kul'tura kak faktor natsional'noi bezopasnosti* [Culture as a factor of national security]. Moscow.
23. Nye J.S. Jr. (1990) Soft power. *Foreign Policy*, 80, pp. 153-171.
24. Nye J.S. Jr. (2011) *The Future of Power*. N.Y.: Public Affairs.
25. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki, utv. Ukazom Prezidenta RF ot 24 dekabrya 2014 g. № 808* [Fundamentals of State Cultural Policy, approved Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808].
26. Pammet J. (2016) *British Public Diplomacy and Soft Power*. Berlin: Springer.
27. *Prodvizhenie russkoi kul'tury v mire. Rossotrudnichestvo* [Promotion of Russian culture in the world. Rossotrudnichestvo].
28. Romanova A.P. (2013) Kul'turnaya bezopasnost' i strakh pered chuzhim [Cultural security and fear of strangers]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian region: politics, economy, culture], 2 (35), pp. 228-237.
29. Romanova A.P., Marmilova V.O. (2008) Kul'turnaya bezopasnost' kak vazhneishii faktor natsional'noi bezopasnosti [Cultural security as the most important factor of national security]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [People. Community. Control], 2, pp. 84-94.
30. Rudakov A.V., Ustinkin S.V. (2017) O podkhodakh k formirovaniyu sistemy mer po protivodeistviyu fal'sifikatsii istorii i zashchite istoricheskogo soznaniya narodov Rossii [On approaches to the formation of a system of measures to counter the falsification of history and the protection of the historical consciousness of the peoples of Russia]. *Vlast'* [Power], 7, pp. 113-119.
31. Shabalov M.P. *Osnovy kul'turnoi politiki Kitaya* [The foundations of China's cultural policy]. Available at: <http://sec.chgik.ru/osnovyi-kulturnoy-politiki-kitaya-2> [Accessed 10/10/2017]
32. Shchipkov A.S. (2016) *Territoriya Tserkvi* [Territory of the Church]. Moscow: UPRS.
33. Shchukina E.L. (2015) Kul'turnaya bezopasnost' sovremennoi Rossii kak element natsional'noi bezopasnosti [Cultural security of modern Russia as an element of national security]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and municipal management. Scientific notes of SKAGS], 3, pp. 346-350.
34. Stolyarov A. (2015) *Russkii mir* [The Russian world]. Moscow: LitRes Publ.
35. *Strategiya gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda, Utverzhdena Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666* [The strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012, No. 1666].
36. Stuenkel O. (2016) *Post-Western World*. London: John Wiley & Sons.
37. Surin A.V. (2007) *Na puti k formirovaniyu nauki upravleniya* [On the way to the formation of management science]. Moscow: ROSSPEN Publ.
38. Torkunov A.V. (2012) Obrazovanie kak instrument «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii [Education as an instrument of "soft power" in Russia's foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 4, pp. 85-93.
39. Tsygankov P.A. (2012) *Universal'nye tsennosti v mirovoi i vneshnei politike* [Universal values in world and foreign policy]. Moscow: MSU.
40. Yanovskii R.G. (1999) *Global'nye izmeneniya i sotsial'naya bezopasnost'* [Global change and social security]. Moscow: Academia Publ.